

*...А вдруг все то, что ищем,
обретается при вскрытии
телесного родного дорогого себя...*

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА.

Вселенская большая любовь

Предисловие к новому изданию

Как же быстро летит время! Парадокс в том, что в детском возрасте, когда человек не понимает ценности времени, оно тянется долго, как жевательная резинка, липнет к пальцам. Ребенок старается его стряхнуть, быстрее освободиться, скорей, скорей вырасти, стать большим, заниматься тем, что позволено взрослым, но не разрешено детям. Дети не знают, что, как только становишься взрослым, время начинает нестись словно бешеная лошадь, и притормозить его невозможно. Оглядывается взрослый человек назад, в свое детство, где было время на рыбалку, отдых, учебу, походы, пионерский лагерь, занятия в спортивной школе, чтение книг, игры, и не понимает, как так получилось, что теперь, когда он уже многое знает и многое умеет, когда он полон сил, уже освободился от юношеских глупостей и готов к рыбалке, музыке, чтению книг и походам, — именно в это время его, времени, нет. Оно мчится, оно находится в самой высокой точке своего движения. Еще какое-то время оно будет бежать по инерции, постепенно замедляясь (казалось бы, вот возможность воспользоваться им — но человек уже устал), и в конце концов остановится. Этот

момент наступает для каждого по-своему, но он неминуем. Помните: из точки Р в точку С... Так происходило всегда и всегда будет происходить. И во все времена люди хотели заглянуть туда, за занавес, который отделяет восьмимиллиардный зрительный зал от тех артистов, что сыграли свои роли, попрощались и покинули сцену навсегда. Можно ли вообще заглянуть за занавес? Меня тоже давно интересует этот вопрос.

Хорошо помню, как родилась идея книги «Между жизнями». Было это ранним утром, когда я ехал в такси на работу. При повороте с Госпитальной улицы на Лефортовскую набережную в голове возникла первая фраза книги и почти сразу же придумались сюжет и название. Так бывает редко. Обычно поиск заглавия для книги — долгий процесс, но тут все оказалось просто и другого названия я не видел. Сюжет родился из вопросов, которые мне к тому времени часто задавали. Дело в том, что прошло уже почти полтора года с момента выхода первой книги, «Вскрытие покажет», и я стал узнаваемой фигурой (во всяком случае, по сравнению с каким-нибудь постоянным обитателем подземного перехода на площади трех вокзалов). Мне задавали вопросы, часть которых я объединил в группу «Как я дошел до такой жизни» и решил ответить на них сразу, оптом. Легче всего было взять за основу свою собственную жизнь, которая к тому времени хоть и не сильно меня потрепала, но все-таки отличалась разнообразием событий, эмоций и потрясений. Логично было бы дать книге подзаголовок «Автобиография с элементами выдуманных историй», но я решил создать интригу. Итак, среди событий, описанных в книге, реальных эпизодов гораздо больше, чем выдуманных.

Если говорить честно — выдуманных сюжетов там почти нет. Современным молодым людям трудно даже представить, какой была жизнь в пору моего детства и молодости. Я очень благодарен Судьбе за то, что мне удалось стать свидетелем нескольких эпох: советской, эпохи диких девяностых и новой России. Помню, когда я был маленьким, то по-хорошему завидовал своим дедам: насколько интересной была их жизнь! Постреволюционные годы, суровые тридцатые, война, послевоенное время, целина, хрущевская оттепель, первый полет человека в космос. Тогда я и близко не догадывался, насколько интересной и витиеватой будет моя собственная жизнь и жизнь моих близких. Некоторые из описанных в книге людей уже покинули этот мир, один из моих сокомнатников, Ваня, стал уважаемым доктором, клиническим фармакологом Иваном Семеновичем, кто-то защитил диссертацию, кто-то совсем ушел из медицины. Мое родное село Соколовка («фартовый город Соколовка») постепенно исчезает и зарастает кленом. Река Ишим, на которой я проводил время и зимой и летом, чьи берега были исследованы вдоль и поперек, где собирал вкуснейшую ежевику и мерзлый, невероятно сладкий шиповник, обмелела. Общага в Омске по улице Блюхера, 16 стоит, и в комнате боз живут студенты, которые так же, как и мы, зубрят анатомию и физиологию, фармакологию и гигиену. В прошлом году я, будучи в Омске с лекцией, впервые решил пройти пешком по тому маршруту, по которому мы, сонные студенты, ходили утром и вечером из общаги до остановки автобуса. Без особой надежды на успех нашел магазин, стоящий напротив санитарно-гигиенического корпуса Омского мединститута, обогнул его слева, и ноги сами понесли меня. Я не узнавал

окрестных домов, но ноги шли сами и, хотя прошло 30 лет с тех пор, как я покинул Омск, вывели меня к общежитию. В окнах красовались белые пластиковые стеклопакеты, но в остальном ничего не изменилось. Я почти час стоял на крыльце (внутри меня, разумеется, не пустили) и словно заново переживал первокурсное время, вспоминал людей и события, которые во многом определили мою судьбу. Кстати, точно так же меня не пустили и в общагу №1 Челябинского мединститута (ул. Воровского, 38б), который сейчас, как и остальные вузы, пафосно называется университетом. Бойкий охранник в фойе объяснил, что пропустил бы меня, но «кругом камеры» и его накажут. Как же мы жили без камер и охранников? От телефона на стене, по которому бесплатно звонили куда хотели, остался только провод, замазанный краской, фасад старого здания облупился и обнажил красные кирпичи, в окнах красуются вездесущие стеклопакеты, никак не соответствующие стилю здания, сквер перед общежитием, где мы на Пасху пили пиво из трехлитровых банок, превратился в культурное общественное пространство — но в памяти моей ничего не изменилось. Вот через эти двери, которые сейчас металлические и закрыты наглухо, а тогда были деревянные и открывались почти на полметра, мы протискивали незаконно срезанную в парке елку, вот на этом чердаке стреляли голубей на обед, а вот на этой плоской крыше, именовавшейся среди студентов «промежность», загорали в летнюю сессию. Несмотря на некоторую современную застройку, почти ничего не изменилось в волшебном городе Копейске, том самом, где я начинал работать и где насмотрелся почти всего, что можно увидеть в судебной медицине. Вот где стабильность!

Жизнь идет своим чередом, не обращая внимания на нас, людей, которые рождаются и умирают, и снова рождаются, и снова умирают, и этот круговорот бесконечен. Так уж получилось, что без всякого намерения я немного заглянул за тот самый занавес. Произошло это уже после выхода книги «Между жизнями», и с тех пор вопрос «Верите ли вы в жизнь после смерти?» для меня не стоит. Я не верю — я знаю, что наша земная жизнь лишь этап для чего-то другого, более важного. Это для меня бесспорно и не подлежит сомнению. Рассказывать что-либо на эту тему бессмысленно: тем, кто знает или верит, и так все понятно, а кто не верит — не поверит. Пусть все остается как есть, тем более что не обо всем можно говорить. Нужно с благодарностью принимать свою жизнь, даже если вам кажется, что в некоторых событиях нет смысла. Он есть, просто не пришло еще время его узнать.

Первое издание книги «Между жизнями» имело большой успех. В 2020 году она заняла первое место в категории «Эскулап» на конкурсе «Здравомыслие», проводимом Министерством здравоохранения России. Я очень рад, что теперь у книги вторая жизнь.

Выражаю огромную признательность издательству «Альпина Пабlishер», моим друзьям, читателям моего телеграм-канала, моим коллегам по Учебному центру Пироговского университета и моей дорогой жене за поддержку и участие.

Замечания, пожелания и прочее, как всегда, жду на mossudmed@gmail.com или в телеграм-канале [@reshetun-alexeu](https://t.me/reshetun-alexeu). Берегите себя!

Май 2025 года
Москва, Лефортово

Предисловие к первому изданию

В жизни любого человека неминуемо присутствуют два знаковых для него и его родственников события — рождение и смерть. Все остальные жизненные коллизии протекают между этими двумя точками. «Из точки А в точку Б...» — помните из школьного курса математики? Человек движется из точки Р до точки С, и у некоторых этот путь прямой, а у большинства — извилистый, как иногда кажется самому человеку, непредсказуемый, со множеством поворотов, иногда даже возвратов к начальной точке, но всегда ведущий к финалу.

Если рождение человека, безусловно, воспринимается в обществе позитивно (ведь даже рождению Гитлера радовались его родители и родственники, не так ли?), то смерть — это всегда трагедия, или локальная, в пределах одной семьи, или глобальная, если человек и его дела являются национальным достоянием.

Однако мало кто задумывается о том, что смерть, как и рождение, — процесс естественный, обуславливающий постоянное развитие человечества. Наверное, самым печальным фактом может быть смерть внезапная, особенно когда умерший относительно молод. Сами посудите,

если бы ребенок рождался неожиданно, если бы не проходило многих недель, в течение которых и женщина, и ее родственники меняются, наблюдая его развитие в утробе, привыкая к факту будущего рождения и планируя свою жизнь с учетом этого факта, если бы он вдруг взял и появился — это стало бы шоком для всех. Скоропостижная смерть — тоже шок. Был человек — еще сего дня утром, еще полчаса назад — и вот его нет. Есть в этом что-то противоестественное и несправедливое. Но только до того момента, пока мы не поймем, что каждому из нас определена своя дорога, своя судьба, выбранная не нами, и если именно так должна прерваться человеческая жизнь, значит, так тому и быть.

Эта книга не автобиография, вернее, не только автобиография. В ней описаны события, происходившие со мной и с моими знакомыми или вообще никогда не происходившие. Имена собственные, указанные в тексте, — реальные, некоторых из этих людей уже нет на свете (долгая им память), города и села стоят на земле до сих пор, правда, какие-то из них уже значительно изменились, а иные за время написания книги даже обрели другие названия.

Я хочу сказать спасибо Александру Николаевичу Кузину за меткое и емкое определение сути нашей специальности, экспертам, фельдшерам-лаборантам и санитарам, с которыми я работал и работаю вот уже почти двадцать лет.

Особенная благодарность — моей жене Ирине за ее безграничное терпение, любовь и поддержку, без которых не было бы ни этой книги, ни меня самого.

2 июня 2019 года,
Московская область, Раменский район,
деревня Дурниха

Предварительные данные

«А кости черепа-то у вас, скорее всего, довольно толстые...»
«Что, простите?»

Мнение о толщине костей моего черепа, высказанное скорее утвердительно, нежели вопросительно, застало меня врасплох. Произнесший эти слова мужской голос, который внезапно появился в моей голове, был ниже среднего тембра, но не глубокий, немного с хрипотцой, однако хрипотца эта не казалась природной и больше походила на ту, что появляется у людей, вынужденных много говорить. «Наверное, таким голосом хорошо исполнять романтические песни под гитару», — почему-то подумал я.

«Да не обращайтесь внимания, — ответил все тот же голос, — шучу. По степени выраженности некоторых частей лица можно понять, какой толщины кости черепа у человека. Мне-то по большому счету все равно, а вот санитару — нет, ему пилить. Иногда, без достаточного опыта, кости черепа очень непросто распилить — фреза застревает, санитар волнуется».

«А при чем тут я?»

«Ну, вы же сами говорили, что вам интересно всё, все детали, — в голосе собеседника появилась легкая ирония, — а уж теперь-то сам Бог велел нам с вами поговорить обстоятельно. Я весь ваш».

После вышесказанного фраза «я весь ваш» вызывала некоторое беспокойство, тем более что человек, произнесший ее, наряду с запоминающимся голосом имел и неординарную внешность. Это был мужчина лет сорока двух — сорока трех. Его небрежно зачесанные назад волосы, темно-русые, без намека на седину, когда-то густые, неумело скрывали уже появляющуюся блестящую полянку на темечке. На мочке левого уха имелся вполне различимый точечный рубец — скорее всего, он носил серьгу. На круглом, чуть полноватом лице сидели очки в модной темно-коричневой оправе, за которыми были видны серо-голубые маленькие глаза, казавшиеся еще меньше из-за толстых, несколько затемненных стекол. Несомненным украшением лица, придававшим ему какую-то детскость, являлся нос — крупный, основательный, почти картошкой. Губы были узкими, а рот — небольшим, в отличие от слегка оттопыренных ушей. Все вместе эти части выглядели, как ни странно, гармонично, они скрывали недостатки и подчеркивали достоинства друг друга.

«Такие люди привлекают внимание не столько внешне, сколько харизмой. И частенько оказываются хитрожопыми», — подумал я.

Мой собеседник был среднего роста и казался чуть ниже меня — возможно, из-за легкой сутулости и короткой шеи. Крупные и очень волосатые руки придавали телу какой-то «орангутаний» вид. Синий хирургический костюм и фартук

из белого полиэтилена не оставляли сомнений в происходящем.

За почти сорок лет жизни и двадцать лет журналистской деятельности я успел поработать во многих местах — в серьезных и несерьезных газетах и журналах и даже на радио. Впрочем, на радио я долго не задержался, поскольку никогда не понимал разговора с микрофоном в пустой студии. Слушатели были где-то далеко и как будто не существовали, слова мои бесследно исчезали в микрофоне, и после эфира у меня всегда оставалось ощущение какой-то шизофреничности. В прямом эфире работать не получалось: как только загоралась красная лампочка, на меня словно накатывал большой ватный ком, мысли путались и язык не слушался до такой степени, что пару раз я допускал совсем уж неприличные оговорки. После очередного провального эфира я с позором покинул радиостанцию — как оказалось, для того, чтобы найти себя в жанре экстремальной журналистики.

Однажды вечером, будучи в состоянии легкого отчаяния и сопутствующего ему тяжелого опьянения, я встретил на улице парня лет двадцати пяти, который просил денег. Нарушив собственное правило — никогда никому, кроме старушек, не подавать, — в приступе алкогольной щедрости я вручил ему существенную сумму, попутно поинтересовавшись, почему джентльмен такого активного возраста попрошайничает. «Зачем вам деньги? Вы что, еврей?» — попытался я состричь, подражая известному журналисту. Паренек, скорее всего, даже и не слышал о Сергее Доренко, поэтому шутку мою не оценил, но, видимо, преисполненный благодарности, ответил, что деньги ему нужны «на ужин». Тогда я еще не знал, что значит для людей его

круга выражение «трехразовое питание», и необходимость кланчить деньги у незнакомых людей «на ужин» меня очень удивила — так не говорят, когда не хватает на еду. Присмотревшись, я увидел большие впалые глаза на сухом желто-сером лице, выступающие скулы, обтянутые кожей, трясущиеся руки.

«На дозу?»

Парень усмехнулся, показав рот с черными пеньками вместо зубов.

«Ну да...»

Не помню уже, чем было вызвано это внезапное желание — то ли опьянением, то ли отчаянием, но я попросил, вернее, потребовал взять меня с собой.

«Куда?» — удивился парень.

«Куда угодно, — я схватил его за руку. — Хочу посмотреть!»

«На что?» — удивился он еще больше, глядя на меня с подозрением.

«На все!» — я упрямо мотнул головой.

Сейчас я думаю, что та трехдневная алкогольная попытка справиться с кризисом среднего возраста сыграла мне на руку, вид у меня был, откровенно говоря, так себе: щетина, неопрятная одежда, перегар — типичный русский интеллигент, ищущий себя. Наверное, именно поэтому я не вызвал никаких подозрений, и произошел тот редчайший случай исключения из правил — попрошайка-джентльмен взял меня с собой, что в принципе невероятно. Хотя, может быть, он просто спешил «на ужин» и ему проще было согласиться, нежели пытаться отделаться от меня, тратя драгоценное время. Таким образом я попал в другой мир — мир так называемых «крокодиловых» наркоманов — и провел там

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru